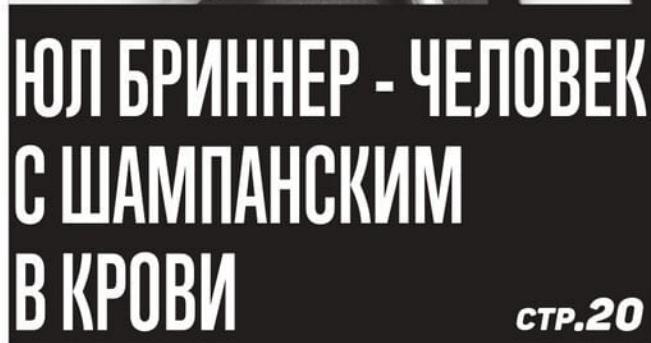

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

Аркадий Кошко

ЛУЧШИЙ СЫЩИК ИМПЕРИИ

Геннадий Норд

Аркадий Кошко - легендарный сынок Российской империи. В начале XX века его имя наводило ужас на криминальный мир города, Кошко ловил самых разных преступников - шулеров, казнокрадов, грабителей и убийц. Он прошел долгий путь от помощника инспектора Рижской полиции до главы Московской сыскной полиции, которую за пять лет сделал лучшей в мире.

Вершиной карьеры легендарного сыщика стала должность руководителя уголовного розыска всей Российской империи.

Но под конец жизни он был вынужден торговать мехом в маленьком парижском магазинчике.

Будущий сынок Аркадий Кошко родился в 1867 году в городе Могилеве. Аркадий вырос в дворянской семье, хотел стать военным и в 19 лет поступил в Казанское пехотное консервное училище. Он закончил его в звании подпрапорщика и был отправлен на службу в полк, на-

ходившийся в Симбирской губернии.

Но Кошко быстро разочаровался в военной службе. В 1894 году он ушел в отставку и переехал в Ригу, где начал служить помощником полицейского инспектора и быстро вырос до инспектора. На новом месте ему быстро удалось себя проявить: за год Кошко раскрыл восемь убийств.

С первых дней оперативной работы он использовал такие нетривиальные методы, как маскировку, грим и переодевание, активноverbовал тайных агентов. Об этих приемах Кошко узнал еще в детстве, читая французские детективы.

Кошко нравился главный герой романа писателя Эмиля Габрио - сыщик месье Лекок, который, искусно перевоплощаясь, раскрывал запутанные дела. Подражая ему, молодой инспектор Кошко прикидывался рыбаком или уличным торговцем, в таком виде ходил по рижским трактирам и слушал разговоры простых людей.

Своих агентов и осведомителей инспектор тоже гримировал, прежде чем отправлять в притоны.

При этом он тщательно продумывал для них образы, которые не вызывали подозрения у окружающих. К примеру, однажды Кошко превратил своих агентов в торговцев.

Все началось с того, что под Мариенбургом неизвестные стали поджигать постройки, принадлежащие местному землевладельцу барону Вольфу. Пожары сопровождались кражами и насилием, а в одной из построек заживо сгорели похищенные женщины и ее внук. Кошко занялся этим делом, поскольку местный следователь никак не мог найти виновных.

Приехав в Мариенбург, сынок отправил по трактирам, рынкам и пивным своим агентов. Он приказал им разыграть роли рабочих с педального завода, выигравших пять тысяч рублей в лотерее и приехавших в город для открытия не- большого торгового дела.

Однако стратегия не сработала: местные жители неохотно делились с привезшимися информацией, так как боялись попасть под подозрение по делу о поджогах. Так как своего информатора среди уроженцев города у Кошко не было, он предложил своим агентам открыть в городе питейное заведение.

Кошко выяснил, что в Мариенбурге работали всего две пивнушки, где вечерами местные отдыхали и делились новостями. Тогда Кошко вручил агентам поддельные паспорта и поручил открыть в городе третью пивную.

Первые две недели дела шли плохо: посетители практически не было.

Кошко нашел выход. Он вспомнил, что в юности обожал ходить в заведение, где кружке пива бесплатно подавалась сочная сушка, и посоветовал агентам вне- дрить такие же подарки и в их пивной.

Сушка оказалась магическое действие, и через неделю агенты сообщили, что от публики отбюо нет.

Несколько месяцев спустя агенты вышли на след подозреваемых - местного фотографа, кузнечика и двух сыновей сторожа. До поджогов все они были бедняками, а после разбогатели, так как перед поджогом выносили из построек все ценное. Они проводили целые дни в новой пивной.

Однажды пьяный кузнец разоткровенничался и предсказал, в каком месте ночью случится пожар. Кутру его слова подтвердились. Тогда агенты Кошко узнали адреса четырех предполагаемых преступников и вызвали на место самого сыщика, прокурора и других полицейских.

В результате у фотографа и его сообщников изъяли воськовые конверты с пороховым шнуром, несколько десятков метров трута (легковоспламеняющегося материала для розжига) и большие запасы керосина.

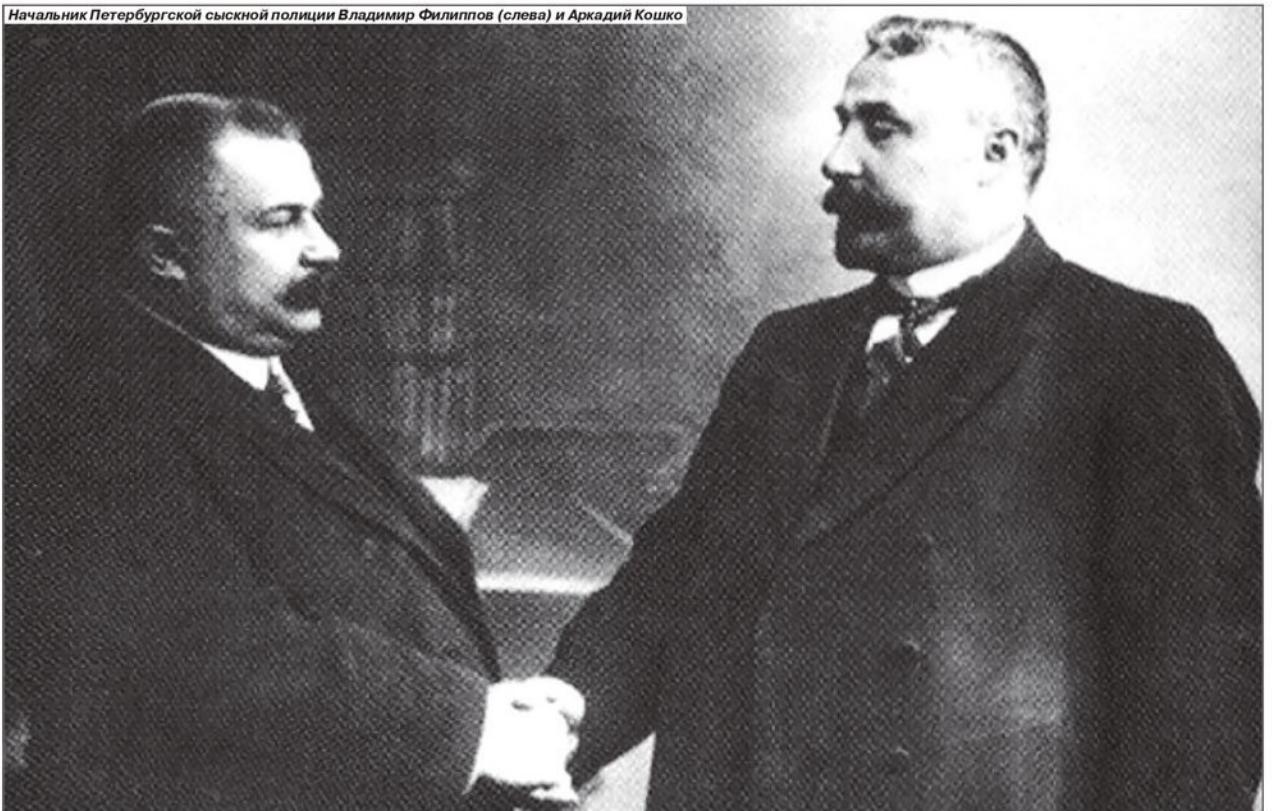
Всех четверых арестовали и отправили в Ригу.

Карьера Аркадия Кошко развивалась стремительно: в 1898 году он стал помощником инспектора, а уже в начале 1900 года был назначен начальником Рижского сыскного отделения. Работа на новом месте началась с расследования серии жестоких преступлений.

Неизвестные убили и ограбили четырех человека: 17-летнего сына богатого купца Детерса, местного вора Ульпа, извозчика и дворника.

Тело мальчика было истерзано: множество ножевых ран, поломаны ребра, сломан нос, выбит глаз; на шее кровоподтеки. У Ульпа был размозжен затылок, и в осколенных зубах торчала записка; на ней значилось: «Собаке собачья смерть».

Начальник Петербургской сыскной полиции Владимир Филиппов (слева) и Аркадий Кошко

Родители погибшего подростка сообщили, что в его пиджаке лежал портсигар, подаренный отцом за хорошую учебу. Тогда Кошко отправил агентов в местные ломбарды и ювелирные магазины на поиски улики; через несколько дней ценному вещи нашли.

Приемщик вспомнил, что его сдала туда пухлая высокая женщина. Кошко разыскал ее - оказалось, что она была возлюбленной убитого вора Ульза. При жизни он входил в банду грабителей, главарем которой был некто Озолиньш.

Кошко предположил, что именно этот Озолиньш мог стоять за всеми четырьмя убийствами, совершенными в Риге.

Как позже выяснился, сыщик был прав: 17-летнего гимназиста, извозчика и дворника бандиты убили ради их кашельков. А с вором Ульзом расправился лично Озолиньш: главарь заподозрил его в предательстве и сотрудничестве с полицией, а потому убил и вложил ему в рот записку для устрашения других подручных.

Кошко узнал, что Озолиньш живет за городом, и решил его задержать. Сложность состояла в том, что углаваря было много знакомых среди местных жителей, которые могли предупредить его о визите полицейских.

Чтобы незаметно подобраться к предполагаемому убийце, Кошко вместе с помощником перевоплотились в скульпторов шерсти: люди этой профессии весной часто разъезжали по Литве и не вызывали подозрений у жителей местных деревень. Когда «скульпторы» пришли к отцу и матери Озолиньша, те не заметили подвоха и стали показывать свой товар.

Хозяин даже предложил гостям оставаться ночевать в мезонине. В полночь сын из окна увидел девушку, бегущую в лес с корзинкой. Он проследил за ней и понял, что она несет еду к деревне, на котором прячется ее брат - преступник Озолиньш.

На следующий день главаря банды арестовали.

Успешное проведение этой и других операций отмечало начальство: на должности главы Рижского сыска Кошко непрерывно продвигался по лестнице чинов. В 1900 году он стал коллежским секретарем, в 1901-м - титулярным советником и кавалером ордена Святого Станислава 3-й степени, в 1903-м - коллежским ассессором, в 1904-м - кавале-

Петр Столыпин

ром ордена Святого Станислава 2-й степени, а в 1905 году получил премию 200 рублей за раскрытие дела об изготовлении бомб.

В 1905 году Аркадий Кошко подал рапорт о переводе из Риги: причиной стало то, что ему и его семье начали угрожать расправой радикалы из революционных партий. На службе он не занимался политическими делами, но расследовал налеты на рижские банки, в которых принимали участие некоторые социалисты.

Кошко с семьей сначала переехал в Царское Село, где взглянул сыск, а позже стал заместителем Владимира Филиппова - начальника Петербургской сыскной полиции. В столице Кошко создал большую агентурную сеть и продолжил раскрывать запущенные преступления.

Одним из таких его дел стала поимка большой группы фальшивомонетчиков. Чтобы выйти на их след, Кошко попросил своего агента разместить объявление о продаже крупной партии бриллиантов. Один из фальшивомонетников захотел купить драгоценные камни на поддельные купюры, но когда приехал за товаром, его задержали на месте.

Через него Кошко вскоре вышел на след других подозреваемых.

В столице сыщик прослужил два с половиной года. В 1907 году он получил чин надворного советника и был удостоен высокой награды - «золотых сцепочкою часов с изображением Государственно-го герба».

В это время на успехи Кошко обратил внимание Петр Столыпин, занимавший в то время должность министра внутренних дел. В 1908 году Столыпин под впечатлением от успехов сыщика принял закон о сыскной части, благодаря которому в разных городах Российской империи появились 89 сыскных отделений.

В том же 1908 году Столыпин настоял на назначении Кошко в Москву, где после правления градоначальника Анатолия Рейбота, уволненного за казнокрадство, была далеко не лучшая криминогенная обстановка.

Вступив в должность начальника Московской сыскной полиции, Кошко застал там дела в большом хаосе. Не было стройной системы в размытом аппарате, количество неоткрытых преступлений было чрезвычайно велико, процент преступности несоразмерно высок.

Кошко пришелся полностью реформировать сыскную систему. Он прикрепил к каждому полицейскому участку над-

зирателя из сыска, курировавшего собственную сеть осведомителей из разных сословий. Среди них были дворники, актеры, телефонисты, извозчики, приказчики и чиновники.

Ради экономии за помощь их награждали не деньгами, а различными услугами: доставали для них билеты в театр или на поезд, хлопотали о трудоустройстве. Благодаря этому у полиции при минимальных затратах появилась возможность привлекать большое число помощников.

Работу подчиненных Кошко контролировал с помощью 20 приближенных секретных агентов, имена и адреса которых знал только он. С ними сыщик встречался на трех конспиративных квартирах.

В числе агентов была старшая барышня с телефонной станции, довольствовавшаяся коробками конфет и духов; был и исполнитель цыганских романсов, вращавшийся в театральном мире; было и два метрдотеля из ресторанов, наблюдавших за кутящей публикой, и агент из бюро похоронных процессий, и служащий из Казенной палаты, Главного пощта.

Также в распоряжении Кошко были и «агенты-любители», которые за деньги рассказывали полиции о знакомых преступниках. Часто так поступали скульпторы краденого, из зависти сдававшие конкурентов, которые выкупали товар у воров по более выгодным ценам.

Такая система помогала раскрывать случаи грабежа преступников с сотрудниками сыска.

В своих воспоминаниях Кошко приводит историю с одним из московских приютов, где шулера обыгрывали наивных посетителей. Он долго получал жалобы на это место, после чего поручил надзирателю из сыска прийти туда с ночных обходом.

Тот доложил, что заведение уже не работает, однако москвики продолжали жаловаться на случаи мошенничества в карточной игре. Тогда Кошко дал указание чиновнику по особым поручениям проверить слова надзирателя. Но чиновник по особым поручениям тоже доложил, что притона уже нет. Затем в дело вступили агенты, которые выяснили, что главный шулер подкупил и надзирателя, и чиновника.

Окончание на с. 10

Полицейский с пистолетом останавливает на улице прохожих для обыска. 1905 г.

Средняя улица в Мариенбурге, 1911-1913 гг.

Окончание. Начало на с. 9

Благодаря этому контролю над контроем удалось внедрить в сознание подчиненных, что начальник следит сам за всем и в курсе всего происходящего, что сильно подстегнуло людей.

Помимо агентов при полиции работали парикмахер и гример, которые помогали осведомителям при необходимости меняться до неузнаваемости. Также в распоряжении оперативных работников был гардероб с большой коллекцией женской и мужской одежды, гражданской и военной формы.

Чтобы следить за динамикой преступности, ежемесячно каждый участковый надзиратель отправлял Кошко отчет о количестве и характере преступлений в его районе, а шестого числа каждого месяца начальник сыска изучал эти данные и просил чертежника отобразить их на графике и обединить в общую картограмму.

Кривые показывали, сколько грабежей, краж, изнасилований или мошенничеств было совершено в каждом районе.

Если где-то количество нарушений резко увеличивалось, начальник сыскной полиции обращался к градоначальнику и просил отправить туда участкового пристава (аналог оперативника уголовного розыска) и через агентов усиливать контроль над работой надзирателя. В результате уровень преступности к следующему месяцу чаще всего снижался.

Очень всплески преступности в Москве приходились на дни перед Рождеством, Пасхой, Днем Святой Троицы и Духовым днем, когда на две недели закрывались лавки и магазины. В это время штата из регионов приезжали в город, надеясь получить легкие деньги.

В первый же год своей работы в Москве Кошко увидел, как это происходит: на второй день после Рождества в городе совершили 60 крупных и более тысячи мелких краж. Он решил исправить ситуацию и начал устраивать ежедневные облавы, но это не помогало: преступники чаще всего скрывались до прибытия стражеров порядка.

Тогда Кошко решил внедрить в Москву систему грандиозных облав: четыре раза в год он давал «генеральное сражение российским мошенникам».

Сложность состояла в том, чтобы сохранить втайне место, время и дату этих операций при том, что в них участвова-

ли сотни человек. Чтобы этого добиться, за несколько дней до праздников Кошко собирали у себя агентов, чиновников и участковых надзирателей к семи часам вечера, чтобы для знакомства с новым циркуляром.

Когда все собирались, им сообщали, что ночью планируется операция, и давали инструкции, после чего запрещали покидать помещение и разговаривать по телефону.

Для самой операции Кошко просил градоначальника выделить ему несколько сотен городовых, 20 приставов и 50 околоточных, которым не сообщалось, в какой район им предстоит отправляться.

За час до начала облавы Кошко иногда сообщал о ней избранным сотрудникам московских газет, в сопровождении которых позже на автомобиле выезжал к определенному месту.

Эти операции оказались весьма эффективными: благодаря заметкам хроников преступники вскоре стали понимать, что ехать в Москву «на гастро-ли» весьма рискованно. На пасхальной неделе, которая пришлась на четвертый год работы Кошко в Москве, в городе не произошло ни одной крупной кражи, что Аркадий считал своей личной победой.

Часто «грандиозные облавы» проходили недалеко от Хитровки. Из ночлежек людей без документов отправляли в участки, где им выдавали хлеб, сахар и горячий чай. После этого их переодевали в специальную одежду и отправляли в «стол приводов», где устанавливали личности с помощью дактилоскопии и судебных фотографий.

Способ быстрого нахождения в многочисленных преступниках, прежде снятых отпечатках снимка, тождественного с только что снятым, был разработан и применен Кошко впервые в Москве, он оказался удачным, так как был вскоре же принят и в Англии.

Именно благодаря дактилоскопии Аркадию Кошко удалось раскрыть запутанное дело об исчезновении бриллиантового кольца.

На Курском вокзале в вагоне поезда обнаружили тело пассажира с ножевым ранением в области груди. В кармане его брюк нашли кошелек с деньгами и портсигар, на котором были отпечатки пальцев. Документов при убитом не было, а потому идентифицировать его сразу не удалось.

Кошко приказал отвезти портсигар из поезда в сыскную полицию и вызвал специалиста по дактилоскопии, который сфотографировал отпечатки на предмете, описал их и поместил снимок в архив.

В коллекции Московской сыскной полиции таких отпечатков не было. Стало ясно, что пассажира поезда убил не рецидивист.

Позже Кошко опубликовал описание портсигара в газете, и с ним связалась одна московская аристократка. Она сообщила, что вещь была украфена у ее мужа на кануне его отъезда в другой город.

Ей показали фото погибшего, и она сказала, что это не ее муж. Вскоре в полицию обратился мужчина - компаньон убитого. Он рассказал, что жертва неизвестного преступника стал совладельцем ювелирного магазина, который должен был привезти из Ростова колье с бриллиантами. Но само украшение пропало.

Чтобы найти преступника, Кошко снял отпечатки пальцев у всех, кто мог быть как-то связан с гильбом мужчины.

Через дактилоскопию и опросы прошла аристократка, обывающаяся мужем, компаньоном и приказчиком убитого ювелира, а также юноша, пытающийся за деньги рассказать о том, где находится портсигар.

Именно приказчик, работавший на ювелира, помог сыщикам выйти на убийцу. Как оказалось, приказчик проболтался знакомому часовщику, что у ювелира есть дорогое колье с бриллиантами, которое он вскоре привезет в Москву. Тогда часовщик решил ограбить ювелира, отнять у него украшение, а затем продать его и вложить вырученные деньги в свое дело.

Злоумышленник напал на свою жертву в поезде, убил ударом кинжала в грудь и похитил колье. А чтобы сбить следствие со следа, часовщик подсунул в карман убитому портсигар с чужими инициалами, который ранее выкупил у случайного клиента.

Убийца долго отказывался признаваться в преступлении, но отпечатки пальцев на портсигаре подтвердили его вину.

Это громкое дело было лишь одним из многих, раскрытых Аркадием Кошко за время службы в Москве.

Выдающийся сыщик помял сразу 50 служащих железной дороги, воровавших багаж пассажиров и обижающих целые вагоны с товарами.

В 1910 году Кошко раскрыл громкое дело о краже в Успенском соборе Кремля и поимал ученика ювелира, который пытался вынести из храма изумруды вместе с кусками золотой ризы Владимирской иконы Божьей матери.

В 1911 году сыщик задержал известного бандита Василю Белоуса, который совершил более 30 вооруженных грабежей в окрестностях Москвы.

Еще одним успехом Аркадия Кошко стала поимка вора, который похитил большой розовый бриллиант, жемчужное ожерелье и сердоликовое кольцо, в котором хранился локоть Евдокии Лопухиной - первой жены Петра Первого. Сыщик выследил преступника в Нижнем Новгороде и остановил пути в ломбард, чем буквально шокировал его.

- Берите уж и жемчуг, все равно не скроешь! Насколько видите! - сказал поиманный вор Аркадию Кошко

В 1913 году в Швейцарии прошел Международный съезд криминалистов. Московская сыскная полиция под руководством «русского Шерлока Холмса» заняла первое место по раскрытию преступлений и была признана лучшей в мире.

Вскоре после международного признания Аркадия Кошко назначили руководителем уголовного розыска всей Российской империи. Он вновь переехал в Санкт-Петербург, где стал работать над раскрытием самых громких преступлений в стране.

Одним из них стала кража из Харьковского банка. В конце 1916 года неизвестные сделали подкоп в банк и вынесли оттуда 2,5 миллиона рублей - огромную по тем временам сумму. Все осложнилось тем, что преступление было совершено в выходные дни после Рождества, когда банк не работал. Поэтому у воров хватало времени, чтобы замести следы.

Аркадий Кошко прибыл в Харьков вечером 31 декабря. От замначальника местного сыскного отделения он узнал, что арестовал банковского служащего, из дома которого воры сделали подкоп в банк. Кошко понял, что подготовка к краже заняла у преступников как минимум месяц.

Такими серьезными преступлениями не промышляли жулики из низших сословий, обычно, какими стояли те, кого Кошко знал по командировкам в Warsaw и называл «варшавскими ворами».

Типы «варшавских воров» большей частью таковы: это люди, всегда прекрасно одетые, ведущие широкий образ жизни, признающие лишь первоклассные гостиницы и рестораны.

Кошко достал 20 фотографий «варшавских воров» и снимок арестованного сотрудника банка, а затем вместе с агентами стал объезжать харьковские гостиницы, пытаясь найти тех, кто ограбил преступников. Так и случилось: слухающие узнали на пяти фотографиях лица бывших постяльцев, в том числе известных воров Станислава Квятковского, Эдиссала Горащека и Яна Сандаевского. Кошко выяснил, что все воры жили в разных местах, но одновременно выехали из города 26 декабря. Лакей гостиницы, где останавливались Горащек и Квятковский, опознал арестованного банковского служащего. Он также сообщил, что жена арестованного была любовницей Квятковского и тайно от мужа встречалась с ним в гостинице.

Тогда Кошко направил к женшине агента, который сказал, что он товарищ Квятковского, и предложил женщине через него отправить вору записку. Неверная жена передала через агента послание:

«Как жаль, коханы, Стасю, что тебя нет со мной сейчас, когда муж мой в тюрьме!»

Удивительно, но именно благодаря этой фразе одно из самых дерзких ограблений в истории Российской империи было раскрыто. Когда Кошко передал арестованному банковскому служащему письмо, написанное вором его женой, тот вскоре был арестован и сразу же назвал имена всех участников преступления.

После февральской революции для Аркадия Кошко настали тяжелые времена. 10 марта 1917 года Временное правительство издало постановление об упразднении Департамента полиции. Кошко подал заявление об отставке и уехал с женой в Новгородскую область, но его имение разорили. Тогда он отправился в Москву и устроился работать в аптеку, но вскоре узнал о предстоящем аресте. Поэтому Кошко и его сын, загримировавшиеся под актера и декоратора, перебрались в Киев.

Во время захвата города Петроградом Кошко дважды пытался бежать из города, однако оба раза его высаживали из поезда. Поэтому Кошко оставался в Киеве до тех пор, пока город не взяли под контроль большевики.

Кошко вспоминал:

«В эту мрачную пору я брал как-то по Крещатику. Вдруг слышу голос:

«Никаш пан Кошко?»

Поднимая голову и вижу перед собою Квятковского и Горошко. Я так и обмер! Ну, думаю, пропал я: сейчас же выдадут большевикам! Но Квятковский, видя мое смущение, сказал:

«Успокойтесь, пане Кошко, зла против вас не имеем и одинаково с вами ненавидим большевиков.

«Варшавские воры», увидев потрепанную одежду Кошко, предложили ему деньги, однако сыщик поблагодарил и отказался. Позже он переправил жену из Москвы в Киев по фальшивому паспорту и вместе с ней и сыном перебрался в Одессу, а оттуда - в Севастополь.

Когда на полуострове начались репрессии против белогвардейцев, семья Кошко отправилась в Константинополь. У них кончились сбережения, и Кошко открыл небольшое детективное агентство, которое занималось частными расследованиями - поиском пропавших животных и проверкой жен на верность.

Денег хватало на жизнь, однако вскоре пошел слух, что власти Турции отправят всех эмигрантов в Советский Союз. Кошко и его родные перебрались в Париж, где сыщик снова остался без работы. После долгих поисков ему удалось устроиться продавцом в магазин меха.

Из воспоминаний Кошко:

«Тяжелая старость мне выпала на долю. Оторванный от родины, растревив

многих близких, утратив средства, я, после долгих мытарств и странствий, очутился в Париже.

Я не живу ни настоящим, ни будущим - все в прошлом, и лишь память о нем поддерживает меня и дает некоторое нравственное удовлетворение».

Знаменитого сыщика не стало в день католического Рождества 25 декабря 1928 года. После себя он оставил воспоминания, которые позже были объединены в «Очерки уголовного мира царской России». Успех очерков был грандиозным: после их публикации в эмигрантской среде Аркадия Кошко стали называть «русским Натом Пинкертоном» и «русским Шерлоком Холмсом».

И называют так по сей день.

Вооруженный полицейский патруль на улицах Петрограда в дни Февральской буржуазно-демократической революции. 1917 г.

